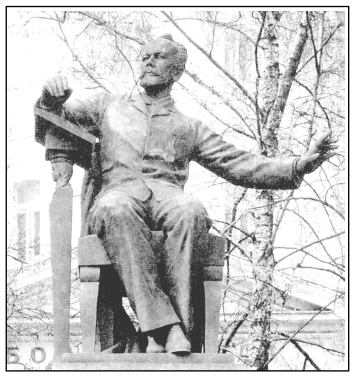
Российский музыкант

№ 4 (1226)
май
2004
Выходит
с 1938 года

ГАЗЕТА МОСКОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНСЕРВАТОРИИ ИМЕНИ П.И.ЧАЙКОВСКОГО



1804 МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ГЛИНКА 2004

ПЬЕМ ЗА ЗДРАВИЕ ГЛИНКИ!

Михаил Иванович Глинка... Солнечное имя... Русская музыка немыслима без гармоничного, светлого, искрящегося творчества композитора, как немыслима русская литература без наследия Александра Сергеевича Пушкина.

Михаил Иванович Глинка... Смотрим на известный портрет угрюмого человека в «ночном колпаке»... Из подсознания всплывает череда музыковедческих клише, «канонизированный» набор высказываний композитора, превративших Глинку и его творчество в идола с небольшой свитой сочинений... *«О, поле, поле! Кто тебя усеял мертвыми костями?»*...

Знал ли 10-летний Глинка, что сказанную им фразу «Музыка — душа моя», по сути своей возглас восторженного ребенка, только что прослушавшего квартет теперь забытого композитора Крузеля, будут через века цитировать в качестве девиза его жизни? «А как же церкви?» — удивился бы мальчик, охотнее всего в то время рисовавший храмы мелом на полу...

Счастливое детство в Новоспасском, в меру с музыкой, но, видимо, больше с живописью, увлечение разными науками в одном из лучших учебных заведений Европы... Но вскоре музыка становится любимым «занятием», по определению А.П.Керн. Именно, занятием, поскольку никогда она не была для Глинки средством заработка, стала скорее не *делом*, а *страстью* его жизни. Став Капельмейстером Придворной певческой капеллы, он с удовольствием занимается с певчими, ездит на Украину набирать голоса для капеллы, вслушивается в народные песни...

«Молодой человек небольшого роста, прекрасной наружности с выразительным взглядом весьма добрых, прекрасных темно-карих глаз» — таким его увидела Анна Петровна Керн. Таким, вероятно, его воспринимали и другие женщины. Судя по «Запискам» композитора, где бы он ни находился, с ним рядом обязательно оказывалась дама «приятной наружности». Почти каждый романс, многие инструментальные сочинения написаны под воздействием красоты и обаяния очередной знакомой. Откровенно чувственная, благоухающая музыка передает, по словам композитора, «впечатление» — эмоциональное состояние, возникающее под одновременным воздействием запахов, пейзажа, присутствия женщины. Однажды в Милане, в разговоре со своим другом Ф.Толстым Глинка воодушевленно описал красавицу-итальянку, у которой «и нега и страсть просвечивают в каждой жилке» и поспорил, что может передать это *впечатление* в музыке — так был создан романс «Венецианская ночь».

«Те, которые имели счастье знать Глинку в то время, никогда не забудут того обаятельного, очаровывающего впечатления, которое он производил на всех». Так вспоминает его В.П.Энгельгардт. На вечерах, которые так любил посещать композитор, можно было встретить Н.С.Голицына, А.С.Пушкина, А.А.Дельвига, В.Ф.Одоевского, К.П.Брюллова, Н.В.Кукольника и его окружение. Это и была атмосфера творческой богемы, где общение со «сливками» не только общества, но и русской культуры, скорее, взаимно обогащало творчество русских художников, чем превращало их в «праздных гуляк». Вот только ночные посиделки у Кукольника, вероятно, были тяжелы для слабого с детства здоровья Михаила Ивановича.

Окруженный любовью и лаской большой и богатой семьи, он привык жить в оранжерейных условиях, в постоянном уходе и заботе о себе. «Я был ребенком кротким и добронравным, и только когда меня тревожили во время занятий, становился недотрогою (мимозою), что отчасти сохранилось и доныне» — пишет композитор в своих «Записках». Рассказывая о своей жизни, Глинка не всегда может точно вспомнить, сочинял ли он в тот или иной период. Зато подробнейшим образом описывает свои недомогания, точно зная, в каком месте и когда у него заболела, скажем, шея. Мнительный нытик? Отчасти. Даже его сестра, Людмила Ивановна Шестакова, которая боготворила брата, признает за ним эту черту характера.

Но «Мимоза» действительно жестоко страдал. А лечение того времени, подробнейшим образом описанное Глинкой, больше походило на изощренную пытку. Например, во время репетиций знаменитого «Патетического трио», которое Глинка играл вместе с артистами театра della Scala Tassistro, один из музыкантов воскликнул: «Ma questo si e disperazione!» («Да ведь это отчаяние!»). «И действительно, я был в отчаянии», — пишет Михаил Иванович. Врачи прописали ему такое лечение, от которого, как вспоминал композитор, «у меня члены немели, меня душило, я лишился аппетита, сна и впал в то жесточайшее отчаяние, которое выразил я в вышеупомянутом Трио». От своих болезней он бежал заграницу. «Вреден север для него» — словами Поэта подшутила над Глинкой А.П.Керн. И хотя окружение оставалось примерно одно и тоже (тогда почти все путешествовали), по России он скучал и писал, что именно «тоска по отчизне навела меня постепенно на мысль писать по-русски». Как же вымотала болезнь Михаила Ивановича, что последние слова «отца русской музыки» на родине (умер он, как известно, в Берлине) были: «Когда бы мне никогда более этой гадкой страны не видать»!

В конце жизни Глинка хотел создать, по словам В.В.Стасова, «национальную гармонию к мелодиям нашей церкви». В Берлине, под руководством З.Дена стал изучать «церковные тоны» по книге Дж.Царлино Instituzioni harmoniche, «Хорошо темперированный клавир» И.С.Баха... Начав с рисования церквей и воспроизведения на тазах колокольного звона, он посвятил последние месяцы своего земного пребывания церковной музыке. Весьма набожный в детстве, Михаил Иванович сохранил веру на протяжении всей жизни, а перед своей кончиной истово молился на образок, подаренный матерью. Символично, что «основоположника русской музыкальной классики» отпевали в той же самой церкви, в которой отпевали «основоположника русского литературного языка». Анна Петровна Керн «на одном и том же месте плакала и молилась за упокой обоих!».

Для Глинки истинное творчество почти отождествляется с умением сказать что-то новое. Недаром он так увлекается музыкой реформатора К.В.Глюка, говорит, что «Берлиоз — музыкант гениальный... в его музыке я вижу истинную оригинальность, истинное творчество». Имея достаточно денег, чтобы ездить в Европу периодически, он оказался в курсе всех достижений музыкальной культуры Италии, Германии, Испании, Франции, познакомился с народным творчеством этих стран. Там будущий классик брал уроки у лучших европейских музыкантов, встречался со своими коллегами-композиторами.

Гектор Берлиоз («Прелесть, что за господин» — говорил о нем Михаил Иванович) пишет о счастливой профессиональной судьбе композитора в своей статье «Мишель Глинка»: «Он [Глинка] никогда не думал воздавать музыке поклонения корыстного: этому противились и наклонности его, далекие от всяких спекуляций и расчетов, и его общественное положение. Таким образом, молодой музыкант был в самом благоприятном положении для того, чтобы тщательно и всеми возможными средствами развить счастливые способности, которыми одарила его природа».

Ведь не просто «как из желудя» полилось из-под пера классика новое, русское. Приобретя необходимый для творчества профессионализм («Чувство зиждет — дает основную идею; форма — облекает идею в приличную, подходящую ризу»), Глинка вполне сознательно пишет именно русскую оперу, придумывает новые краски, приемы для любого своего сочинения. «По моему мнению, хорошо, чтобы каждая вещица, хоть маленькая, служила чем-нибудь в свою очередь для новых поворотов музыкального дела...». Своей страстью к «свежим» решениям, к новаторству он созвучен нашему времени. Так пожелаем же себе заново «услышать» Глинку и доброго здоровья его поистине живой музыке! *Пьем за здравие... Глинки!*

Анастасия Меерзон

К 200-ЛЕТИЮ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА ГЛИНКИ

«СЛАВЬСЯ!»

Весной 2004 года (20 мая по старому стилю и 1 июня по новому) Михаилу Ивановичу Глинке исполнится 200 лет. Эта дата широко отмечается в России. Можно с уверенностью сказать о беспрецедентном доселе размахе глинкинских торжеств, самом грандиозном за истекшие два столетия. В апреле 2003 года в Большом Театре состоялась новая постановка «Руслана и Людмилы» и прошел международной научный симпозиум, посвященный проблемам исполнения и изучения этой оперы. По плану, утвержденному Министерством культуры Российской Федерации, в 2004 году предполагается провести 47-ой Всероссийский музыкальный фестиваль им. Глинки в Смоленске; Фестиваль искусств в Москве (включая концертные программы в рамках Московского Пасхального фестиваля под руководством В.Гергиева) и Санкт-Петербурге. Концерты, посвященные 200-летию Глинки, пройдут в различных городах нашей страны, в том числе в Костроме, Ярославле, Казани, Саратове, Нижнем Новгороде, Великом Новгороде, Чебоксарах. В Челябинске на Международном оперном фестивале «Ирина Архипова представляет» выступили лауреаты XX конкурса вокалистов им. М.И.Глинки. В ноябре во Владимире откроется IV Всероссийский открытый конкурс исполнителей русского романса. Главным концертным событием станет Торжественный гала-концерт в Большом театре России 1 июня 2004 г. Большая музейная экспозиция «Глинка и культура первой половины XIX века» откроется в Государственном центральном музее музыкальной культуры им. Глинки в Москве. Музей планирует также множество просветительских акций — концертов, лекций, посвященных Глинке, выпуск второго компакт-диска с музыкой Глинки из фондов архивных записей музея, проведение конференции «Глинка и его окружение». На родине композитора предполагаются обширные реставрационные работы, в том числе — памятников Глинке в Смоленске и в музее-усадьбе в Новоспасском.

Среди приношений, которыми Россия отметит юбилей своего музыкального гения, достойное место занял музыкальный фестиваль «Глинка. К 200-летию со дня рождения» и международная научная конференция в его рамках, которые организованы совместно Московской консерваторией имени П.И.Чайковского и Санкт-Петербургской консерваторией имени Н.А.Римского-Корсакова. О важности подобного союза двух столичных консерваторий говорил на открытии фестиваля министр культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, профессор Московской консерватории А.С.Соколов. Весной центром чествований Глинки стала Москва, осенью — Санкт-Петербург, где пройдет музыкальный фестиваль «Глинка и мировая музыкальная культура» и научная конференция «М.И.Глинка. Музыка истории 1804–2004».

Подготовка к предстоящим сентябрьским торжествам в Санкт-Петербурге уже идет полным ходом. Приводятся в порядок музеи-квартиры Глинки на Почтамтской и вблизи Театральной площади; готовится перемещение памятника Глинке в центр Театральной площади, где он стоял раньше. На фестивале, который пройдет 20–27 сентября, состоятся оперные и музыкально-драматические спектакли, концерты, в том числе исторические концерты, мастер-классы российских и зарубежных исполнителей и композиторов. Среди участников фестиваля — Мариинский театр, музыкальные учреждения, носящие имя Глинки, музыкальные организации родины Глинки — Смоленска. В рамках фестиваля состоятся Всероссийский конкурс студенческих и аспирантских научных работ, Всероссийский конкурс сочинений молодых композиторов, Конкурс на лучшее исполнение камерных вокальных и инструментальных произведений Глинки.

Общей для московского и петербургского фестивалей стала тема «Глинка и его время». На примере уже прошедшего московского фестиваля можно с уверенностью сказать: задумка устроителей удалась. Творчество Гения предстало в полный рост на фоне портрета его Эпохи, и в этом широком культурно-историческом контексте приобрело надлежащую объемность и глубину. С 19 по 24 апреля в Малом и Рахманиновском залах консерватории в исполнении лучших московских, петербургских, зарубежных артистов почти каждый день звучала музыка Глинки, его современников и последователей. Хочется отметить высокий художественный вкус организаторов (художественный руководитель фестиваля — профессор Е.Г. Сорокина), сумевших составить разнообразную и интересную концертную и научную программу. Каждый раз музыкальное наследие Глинки представало в новом, иногда неожиданном контексте.

Так на концерте 20 апреля в Рахманиновском зале, где в исполнении квартета флейт «Сиринкс» звучали сочинения Кулау, Бетховена, Фюрстенау, Меркаданте, Джанеллы, Рейхи, транскрипция «Жаворонка», сделанная С.Голубенко, отчетливо выявила классицистские, идеально-гармоничные черты стиля Глинки. В тот же день в Малом зале на концерте лауреатов международного конкурса вокалистов имени Глинки — воспитанников класса профессора П.И.Скусниченко глинкинская музыка, напротив, звучала очень романтично. Иногда это было даже чуть «слишком»: уникальное сочетание ясности, содержательности, эмоциональной глубины и естественности интонирования, свойственное вокальным сочинениям Глинки, на мой взгляд, не всегда удавалось даже именитым

певцам, не говоря уже о начинающих. Впрочем, интеллигентная публика не замечала промахи артистов, а, может быть, великодушно им их прощала, наслаждаясь не столь часто случающейся возможностью попасть на концерт популярной вокальной музыки по бесплатным пригласительным билетам. К слову сказать, этот просветительский аспект фестивальных программ трудно переоценить. В деле приобщения широкого круга слушателей к классической музыке музыка Глинки — едва ли не лучший «проводник»: обладая безупречным качеством, она в то же время «общительна» и эмоциональна.

На концерте 21 апреля в Малом зале музыка Глинки получила иное освещение: она предстала будто бы в уютных салонах и гостиных пушкинского Петербурга. Замечательный ансамбль солистов-педагогов Московской консерватории «Alma mater» представил вокальные сочинения Бортнянского, Варламова, Геништы, Гурилева, Яковлева. Успешно исполненный знаменитый Канон в честь Глинки, впервые спетый его друзьями после премьеры «Жизни за царя» в 1836 году, словно связал ту эпоху с нашей. Так чествование Глинки породило настоящий диалог времен.

На концерте 22 апреля в Рахманиновском зале, называвшемся «Глинка и русская народная песня», в исполнении фольклорных ансамблей Санкт-Петербургской и Московской консерваторий (руководители — профессор А.М.Мехнецов и профессор Н.Н.Гилярова) глинкинский стиль получил прочное почвенное обоснование. В программе концерта были песни и наигрыши, записанные на родине Глинки — в Ельнинском, Глинковском, Починковском и Рославльском районах Смоленской области, а также до сих пор живущие жемчужины русского музыкального фольклора, ставшие источниками глинкинского творчества — свадебная песня «Из-за гор, высоких гор» и плясовой наигрыш «Камаринского».

Неожиданный, но интересный и оправданный аспект творческого наследия Глинки высветился в двух концертах фестиваля, состоявшихся в Малом зале: в вечере органной музыки «От В.Ф.Одоевского до А.К.Глазунова» (23 апреля, исполнители М.Мищенко и Ю.Семенов) и в вечере камерной музыки (24 апреля, исполнители — фортепианное трио «Этерия»). Перед В.Ф.Одоевским отечественная музыкальная культура в неоплатном долгу: это фигура, явно недооцененная музыковедением и исполнителями. Между тем его сочинения заслуживают всяческого внимания, что и доказал состоявшийся концерт. В деле пропаганды забытых имен хочется выделить и молодых немецких музыкантов из трио «Этерия». Их музыкальный вечер представил примечательную панораму романтических минорных фортепианных трио, среди которых были впервые звучавшие в Москве сочинения А.Гензельта и А.Альбрехта. Патетическое трио Глинки совершенно органично встроилось в ряд «штюрмеровских» музыкальных высказываний немецких авторов. Кстати сказать, именно это сочинение Глинки стало безусловным фаворитом фестивальных программ. Кроме

данного вечера, оно звучало еще дважды: на открытии — в исполнении «Рославец-трио» и в первоначальном варианте для кларнета, фагота и фортепиано в исполнении выдающихся российских музыкантов — Т.Алиханова, В.Горохолинского и В.Попова.

Возвращаясь к концерту наших немецких гостей, надо особо отметить ту огромную роль, которую сыграло в подготовке фестиваля Посольство Германии. Именно благодаря их поддержке состоялся приезд «Этерии» (еще планировался, но, к сожалению, не осуществился концерт контр-тенора Йохена Ковальски). Спонсорская поддержка германского посольства дала возможность организаторам выпустить прекрасный буклет, в котором предстала вся панорама фестиваля и конференции. В благородном деле поддержки классического русского искусства объединились и другие спонсоры фестиваля: ОАО «Аэрофлот — российские авиалинии», Институт Сервантеса, концерны «Лукойл», «Даймлер Крайслер», «Сименс», «Кэнон», отель «Балчуг Кемпински», издание «Ваш досуг».

Еще одним ярким фоном для музыки Глинки послужила фортепианная культура его эпохи. Этот ракурс темы «Глинка и его время» был представлен 23 апреля в двух вариантах. Первый предстал в дневном клавирабенде М.Дубова: пианист сыграл на историческом фортепиано парижской фирмы «Эрар» (из коллекции А.Б.Любимова) сочинения, звучавшие когда-то в салонах Москвы м Петербурга — А.Алябьева, А. и Л. Гурилевых, И.Ласковского, Дж.Фильда — и Глинки. Другой возможный взгляд на фортепианную музыку Глинки продемонстрировали замечательные петербургские музыканты в концерте, названном «М.И. Глинка: тема и вариации». Возник полифонический диалог времен: он шел через Глинку и посредством Глинки. В программе сочетались «Вариации на тему Моцарта» Глинки и «Вариации на тему Глинки» Лядова, оригинальные сочинения Глинки и транскрипции глинкинских сочинений («Жаворонка» Балакирева, «Марша Черномора» Листа). Среди исполнителей особенно хочется отметить молодого пианиста Александра Пироженко и дуэт Д.Якубовского и Н.Катоновой, исполнивших Альтовую сонату.

В том же концерте произошло еще одно знаменательное событие: был исполнен целиком цикл «Прощание с Петербургом» — далеко не частый гость в филармонических программах последнего времени. Тем более редко можно встретить оригинальную исполнительскую трактовку этого шедевра Глинки. С радостью констатируем, что певице Марии Людько и пианисту Дмитрию Часовитинову это удалось. Залогом успеха стала органичность интонирования, прозрачность звучания, стройность композиционного решения и свежий взгляд на многие хрестоматийные песни цикла.

Вокальная и фортепианная музыка Глинки царила и на следующий день — 24 апреля, когда в Рахманиновском зале в исполнении народных артистов России А.Мартынова (тенор) и

Окончание на с.3

К 200-ЛЕТИЮ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА ГЛИНКИ

А.Любимова (фортепиано) прозвучали лучшие романсы и фортепианные пьесы композитора.

В этот же день в Большом зале состоялась премьера концертной версии «Руслана и Людмилы» в исполнении Оперной студии Московской консерватории. Вообще широкое участие студентов и аспирантов в программах фестиваля и конференции стало добрым знаком, свидетельствующим об интересе молодых музыкантов к творчеству Глинки. В этой связи хочется выделить два концерта межфакультетской кафедры фортепиано (заведующий кафедрой — профессор А.В. Самонов): в музее-квартире С.Т.Рихтера (21 апреля) и в Малом зале (24 апреля); а также дневной концерт 24 апреля в

Музее им. Н.Г.Рубинштейна. На последнем концерте хочется остановиться подробнее.

Отмечать 200-летие со дня рождения Глинки было особенно приятно в Музее, где сама атмосфера навевает мысли о славном прошлом русского искусства и где экспонируется выставка, посвященная славному юбилею (она была подготовлена Музеем им. Н.Г.Рубинштейна, Научной музыкальной библиотекой им. С.И.Танеева, Вычислительным центром, Кафедрой истории русской музыки), один из примечательных экспонатов которой — чудесный и пока еще мало известный живописный портрет Глинки, созданный А.Г. Горавским по заказу П.М. Третьякова. Фортепианный факультет (зав. кафедрой специального фортепиано профессор Л.В.Рощина, профессор З.А.Игнатьева) и кафедра концертмейстерского мастерства (доцент И.В.Кириллова, лауреат международных конкурсов Е.Либерова) подготовили со своими воспитанниками прекрасный вечер, отражающий разные грани фортепианного наследия и вокальной музыки гениального композитора. Жемчужины глинкинской лирики достойно завершили апрельский этап фестивального «восхождения к Глинке».

Венец концертной части фестиваля еще впереди: им станет заключительный симфонический концерт в Большом зале с участием симфонического оркестра Московской консерватории (дирижер — А.Левин), который состоится почти накануне дня рождения Глинки — 19 мая. В нем, наряду с широко исполняемыми произведениями композитора, прозвучат два малоизвестных его сочинения: Ноктюрн И.Гуммеля ор.99, оркестрованный Глинкой, и Торжественный Польский, сочиненный по поводу коронации Александра II.

В эти же апрельские дни в Конференц-зале консерватории и в Зале Музея им. Н.Г.Рубинштейна развернула свою работу научная конференция, включающая представительный состав участников из разных городов России, Украины, Белоруссии, Германии, Испании, Италии. Тематика докладов и сообщений была чрезвычайно широка и интересна. Творчество Глинки предстало и в «горизонтальной», и в «вертикальной» временной перспективе, обсуждались текстологические проблемы его наследия, связи с фольклором, жанровый, эстетический и стилистический аспекты исследования глинкинской музыки. Особый интерес участников конференции вызвали вопросы русско-европейских, в частности, русско-германских и русско-испанских музыкальных связей, осуществленных в творчестве Глинки и других композиторов его времени.

Так — празднично и с вдохновением консерваторцы и широкая музыкальная общественность отметили замечательный глинкинский юбилей. Как и в какой мере «глинкинский контекст» открыл нам нас самих — судить нашим потомкам. Сейчас же девизом прошедшего фестиваля и конференции могут стать слова, сказанные о Глинке Борисом Покровским: «Безгранично, бездонно творчество великого Глинки. Сколько бы его ни изучать, ни слушать, все равно останутся непознанные глубины и краски. Поэтому мы и считаем его классиком. Искусство Глинки объясняет жизнь народа, обобщает ее и облагораживает. М.И.Глинка — наша слава и наша гордость. И поэтому юбилей, который мы сейчас отмечаем, — это праздник народной мудрости и народной красоты, праздник народного искусства».

Елена Шабшаевич

На снимках:
Проф. Е.Г.Сорокина и проф. А.С.Соколов открывают фестиваль.
На конференции.
«Руслан и Людмила» на сцене Большого зала.
Трио «Этерия» в составе: Хенниг Руэ (ф-но), Ульрике Шмитц (скрипка), Александр Виль (виолончель)

Музыка, играй!

Глинка — имя не-собственное, невместимое сознанием, несо-вместимое с суетой, не из-местимое кораблем предыдущей и последующей музыки — русской и нерусской. Это вообще не наименование человеческое, а — пароль, шифр для посвященных, освященный и освещенный заревом собственной царственной непреложности, непреходящести, непереходящести в новые качества и количества романсов, ансамблей, оперных и оркестровых партитур. Звук фамилии композитора — явление музыкальное само по себе, оркестровое, темброво-колористическое, чувственное-осязаемое («Имя твое — льдинка в руке…»). Смысл этой фамилии лишь для русской музыки — характерное первооснование почвенности. Не немецкий ручей, а маленький островок библейской суши («…и мелем, и месим…»), отторгнутый у полноводного половодья.

С детских времен образ Глинки предстает ненаписанным сценарием немой фильмы.

Крупно: МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ГЛИНКА — ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ КОМПОЗИТОР.

Кадр: стоит толстенький в сюртуке, рука за обшлагом, брови насуплены, голова в полуобороте

Кадр: оживает, начинает гневно вращать очами, хлопает свободной рукой по столику

Крупно: графин подскакивает на столике от ударов пухлой руки

Крупно: усато-бородатый рот активно что-то произносит; брызжет слюна

(не слышно)

Его судьба — такая управляемая во всех прижизненных отправлениях и проявлениях своей непредсказуемости — после смерти делает сказочные виражи на пути к бессмертию. Созидательная энергия наследников, последователей и исследователей смерчем проносится по незасеянным нивам рассеянного слуха, оставляя кое-где странной («Я с детства не любил овал…») формы зерна. Их назвали органически неквадратными и высевали затем при каждом располагающем к краеугольности или предполагающем угловатость случае. Почвенность Глинки взошла угольностью Мусоргского и игольностью Скрябина.

Крупно: РУССКИЙ КОМПОЗИТОР БАЛАКИРЕВ ОТКРЫВАЕТ ПАМЯТНИК ГЛИНКЕ

Кадр: сдергивают белую простыню

Крупно: памятник. Стоит толстенький в сюртуке, рука за обшлагом, голова в полуобороте

Кадр: Балакирев за пультом перед оркестром и хором

Крупно: руки и верхняя часть спины дирижера

Крупно: рука памятника с дирижерской палочкой

Крупно: рука дирижера с палочкой

Крупно: рука скрипача со смычком

(не слышно)

Ныне Глинка — продукт, неплохо продаваемый на внутреннем малоцивилизованном рынке. Глинка на вес! Глинка на bis! Глинка на тур (первый, второй, третий)! Кто больше, кто тоньше, кто громче, смелее, выше, быстрее! Во втором туре чуют правду, значит в третьем усеют поле мертвыми костями. В первом туре дым столбом кипит, дымится пароход? Отлично; дальше по волнам скользят гондолы, или между небом и землей песня раздается. Летай иль ползай, конец известен — в рублевом эквиваленте по курсу Сбербанка.

Крупно: ИЛЬЯ РЕПИН ПИШЕТ ПОРТРЕТ ГЛИНКИ

Кадр: полупустой холст; плохо различимый на пленке угольный контур, часть уже записана маслом

Кадр: художник в темной блузе спиной к публике

Крупно: рука художника с кистью отрывается от середины холста

Крупно: выписанный в деталях пояс и обшлага домашнего халата

Крупно: застывшая рука художника, вертикально держащая кисть

Крупно: рука угольного композитора на портрете, сжимающая что-то пишущее

Крупно: другая, частично уже масляная рука, зажавшая какие-то ноты

Крупно: ноты…

(не видно)

Милые дети, попробуйте ответить на вопросы из игры «Кто лучше знает Глинку?» (Росгизместпром, 1955)

1. Каковы были взгляды Глинки на крепостное право?

2. Назовите двух братьев — друзей Глинки, часто бывавших в кружке петрашевцев и встречавшихся там с Глинкой.

3. Какой великий русский революционный демократ, философ и литератор, рассказывая о первых концертах русской симфонической музыки в Лондоне, писал: «Наша музыка не является скромно просить внимания своей оригинальности и сколько-нибудь гражданства, — она врывается… вооруженная… Глинкой»?

4. Куда пробирался вражеский отряд, который Сусанин завел в непроходимый лес?

5. Где похоронено тело Глинки?

Ответили? Молодцы! А зачем спрашивали?

(неясно)

Крупно: ГЛИНКА. ОПЕРА ИВАН СУСАНИН

Кадр: толпа пестро одетых людей построенная по росту; у женщин через одну хлебсоль

Крупно: Поют (не слышно)

Кадр: ряды пестро одетых людей движутся на зрителя

Крупно: сапоги со шпорами

Крупно: шляпы с перьями

Кадр: ночь, лес, костерок, Сусанин. Стоит толстенький, рука за обшла… Ой!

Крупно: НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР МАКСИМ МИХАЙЛОВ

Русский Восток — это война. Вечная кампания по замачиванию иноземцев и иноверцев в местах общего пользования. Инакомыслящий композитор наполняет героико-эпическую литургию русского Эроса дымом горных зачисток и степных прочесов любых народов и эпох. Под головой меч, а в голове что? Куча мала народу, и все — мужики, и все — в унисон, и каждый — по Образу Божию, а тела нет — ни Христова, ни Антихристова. Голова — агрессивный арсенал с эмблемой добродетели, таящий в себе смерть уклончивого, склоняющегося, изломанного, клонированного позднее в Париже одной весьма декадентской балетной антрепризой…

…Из ответов на дополнительные вопросы, задаваемые в ходе экзамена по истории русской музыки (Москва, Консерватория, 3 курс, исполнительская специальность, не будем указывать, какая).

Что происходит в 4 акте оперы «Руслан и Людмила»?

Варианты:

— А сколько всего актов?

— Конец — всему делу венец?

— Лейтмотив Руслана?

— Людмилу похищают. Кто? Зевс-громовержец!

Глинка никогда не боялся остаться один. И поэтому никогда один не был. Себялюбивый, избалованный, эгоистичный, он приобретает и теряет друзей и близких без рассуждений. Притяжение и отторжение ненасильственно. Уходят слабые, поверхностные, равнодушные. Остаются настойчивые, въедливые, терпеливые («Любить иных — тяжелый крест…»). Да, возможно, им придется ожидать перед запертой дверью не один месяц или встречать внезапным коленопреклонением невзначай покинувшего свое укрытие мизантропа. Но ведь в ответ он непременно пригласит войти во внутренние комнаты, и выпить чего-нибудь пенного из чего-нибудь янтарного…

Кадр: молодой кудрявый Глинка полусидит у дерева. Вокруг — деревенские музыканты

Крупно: руки балалаечника

Крупно: ВЕСЕЛЕЕ!

Крупно: руки движутся быстрее

Крупно: ЕЩЕ!

Крупно: руки начинают подбрасывать балалайку над головой и перекидывать за спину

Крупно: ЕЩЕ!

Музыка играет так весело… Музыка, играй!

Александр Наумов

В тексте использованы фрагменты произведений А.Пушкина, Н.Языкова, Н.Кукольника, А.Чехова, М.Горького, Ю.Тынянова, М.Цветаевой, А.Ахматовой, Б.Пастернака, А.Вознесенского.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

Георгий Иванович Сальников — композитор, профессор Московской консерватории, заслуженный деятель искусств России, кавалер ордена Отечественной войны 2-ой степени и нескольких медалей. Начало войны Сальников встретил в музыкальном училище при Консерватории, где учился на фортепианном факультете. Дирекция училища отправила многих студентов, в том числе и его, на уборку урожая.

«...Вместе со мной, – рассказывает Георгий Иванович, – на этих работах был композитор Герман Галынин, будущий проректор по учебной работе Московской консерватории Мстислав Смирнов, музыканты разных профессий. В сентябре мы вернулись в Москву. Меня с отцом отправили копать рвы в Кунцево (тогда это было Подмосковье). Публика там была разная. Много рабочих с фабрик и служащих с различных предприятий. Чем ближе к ноябрю, тем атмосфера становилась более напряженной. Особенно мне памятен день 16 октября, когда после тревожных сводок Информбюро люди толпами уходили из Москвы. Шли куда угодно, лишь бы спастись. День или два не работали булочные, поскольку временно не работали хлебозаводы. Это был самый трудный день. По улицам летал пепел от сжигаемых документов, книг. Все боялись, что если немцы войдут, раздастся масса взрывов: многие дома и учреждения были заминированы. Я жил тогда на Остоженке, недалеко от того места, где до 1931 года был храм Христа Спасителя. Воздушная тревога периодически заставляла бегать нас в метро и бомбоубежища. Помню, как новый 1942 год мы встретили очень скромно, с опаской, но и с надеждой, что все изменится. Но, как известно, 1942 год не принес нам никакой радости. Немцы шли и шли вперед. И хотя у Москвы их остановили, они продвигались по другим направлениям...».

В 1942 году Сальникова из-за плохого зрения признали негодным к военной службе, и он продолжил прерванную учебу в училище, которое, в отличие от консерватории, не было эвакуировано. Но этот период оказался не-

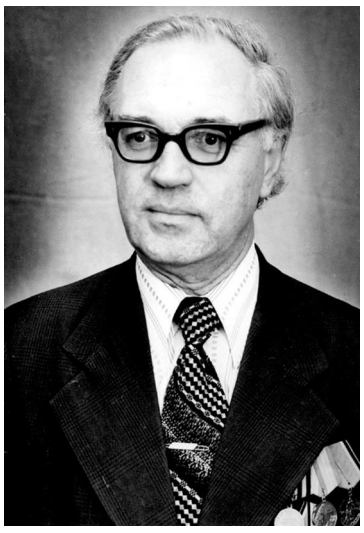
долгим. «...Весной 1943 года я уже должен был окончить училище. Но зимой я вновь проходил военную комиссию, и тут меня признали ограниченно годным к военной службе. Мне тогда еще написали: „годен к строевой службе в очках“. Было ведь очень много потерь в первые два года войны, и людей просто не хватало...». В феврале Георгий Иванович оказался на Северо-Западном фронте, в районе Демянска. Тогда там началось наступление наших войск. О некоторых эпизодах фронтовой жизни Сальников говорит с усмешкой:

«...На фронте мне не везло. Я попал в компанию чуждых мне по духу людей. Не с кем было поделиться своими переживаниями, излить душу. Особенно плохо ко мне относились младшие командиры. По малейшему поводу, за любой проступок ко мне придирались, и я получал наряд вне очереди... Накануне боя нам устроили баню, которая в тех условиях позволила нам лишь кое-как вымыться. Но самое неприятное случилось перед боем. Наш командир взвода заявил: «Завтра бой. Учтите, что я иду за вами с наганом и если увижу, что плохо стреляете — прикончу». Ничего себе напутствие! Разве это нормальное отношение командира к своим солдатам? Он не нашел самых необходимых слов, а действовал одними угрозами. Не проявил даже крупицы человеческого чувства. Тут думаешь о том, что спереди тебя могут убить немцы, а оказывается, что и сзади угроза — свой командир с наганом. Мало ли что может случиться с винтовкой! И, действительно, ведь случилось! В один из дней нашего наступления я внезапно обнаружил, что у меня намокла винтовка и не стреляет. Я мысленно попрощался с жизнью, зная про угрозу нашего командира. Но, как оказалось, он был ранен. В бою у меня разбились очки. Помню, я кому-то сказал: „Как же мне стрелять теперь без очков? Я же ничего не вижу!“, а в ответ получил напутствие: „Все равно стреляй. Может быть, шальная пуля кого-нибудь да убьет!“. Наступали мы в валенках, но погода нас подвела. Днем – оттепель, а ночью – небольшой мороз. Поэтому днем валенки намокали, а за ночь промерзали насквозь, превращались в ледяной панцирь, и с ними уже ничего нельзя было сделать...».

Третий день наступления стал для Георгия Ивановича последним днем его войны. Немецкая пуля пробила правую руку. И здесь ему необыкновенно повезло. Пуля прошла насквозь, не задев ни кость, ни нерв!..

В госпитале Сальникова застала приятная новость. Музыкальное училище направило запрос в Наркомат обороны с просьбой разрешить закончить обучение нескольким студентам. В числе них оказался и Георгий Иванович. Окончив училище, он поступил в консерваторию, но уже через полгода после начала учебы был снова призван на воинскую службу. «...Тогда за меня и еще ряд студентов, – рассказывает Сальников, – вступилась консерватория. Директор написал письмо в соответствующие органы, но так получилось, что это письмо потерялось. И вот после Нового, 1944 года меня направили в Ленинградское военно-инженерное училище, которое находилось тогда в эвакуации в Костроме. Меня приметил начальник клуба и забрал к себе организовывать музыкальную самодеятельность. Я стал часто выступать в клубе. С успехом исполнял Рахманинова, Листа, Бетховена. Пробыл там я месяца три, пока не выяснилось, что потерянное письмо нашли и отправили адресату. Тогда же мне сообщили, что подписан приказ о моей демобилизации, и я могу продолжить обучение. С тех пор моя учеба уже не прерывалась...»

Война закончилась. Жизнь возвращалась в привычное русло. В 1949 году Сальников женился на сестре своего погибшего товарища Игоря Маслова. И стал заниматься любимым делом — сочинением. Начав с произведения для валторны, он постепенно пришел и к более крупным жанрам. Но любовь к духовым инструментам сказалась и здесь: главными в его творчестве стали произведения для духового оркестра. «...Духовые оркестры напоминали мне о военных годах, которые оставили в моей жизни очень яркие впечатления. К тому же, моя



работа на военно-дирижерском факультете Московской консерватории требовала знания, прежде всего, духовых инструментов. Я делал много оркестровок, переложений для духового оркестра, сочинял марши. В 1959 году я написал марш „Василий Теркин“. Он издавался несколько раз, в том числе и в сборниках, а также, в Австрии под названием „Веселый солдат“, поскольку имя Василия Теркина иностранцам ни о чем не говорило. Во время работы над этим сочинением, я увидел картину Вепринцева „Теркин на привале“. Там он сидит на пригорке и рассказывает что-то веселое. И у меня получился образ именно такого Теркина. Я все время повторял фрагмент из поэмы Твардовского:

Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой,
На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой...

Позже были написаны и другие произведения: поэма-кантата для голоса и духового оркестра «Письма с фронта», «Симфония о войне и мире», спортивный марш «Веселые ребята», «Сюита о Москве». В 70-х годах Георгий Иванович стал заниматься изучением творчества Глинки, много бывал в имении Новоспасское, где родился великий русский композитор. Изучал архивы, помогал воссозданию музыкальной атмосферы в имении, писал многочисленные статьи, написал две книги: «Глинка в Смоленске» и «Неувядаемый оркестр Глинки». Сейчас, в год празднования 200-летия со дня рождения композитора, Георгий Иванович готовится принять участие в торжественных мероприятиях, приуроченных к этому событию в Московской консерватории и на родине композитора... Когда в Москве началось восстановление храма Христа Спасителя, Сальников, единственный из композиторов, откликнулся на это событие, сочинив симфоническую поэму «Сказание о храме Христа Спасителя». Обращение к такой тематике не случайно, ведь его детство прошло на Остоженке, и он отчетливо запомнил разрушение храма, оставившее глубокий след в душе десятилетнего мальчика...

Мне было удивительно видеть человека, прожившего большую, сложную жизнь, но сохранившего юношеский задор, оптимизм, неисчерпаемый юмор и такое горячее молодое сердце. Его удары слышны в потрясающих энергичных маршах, в умении все превратить в шутку, в желании творить. Как он похож на нестареющий образ солдата Теркина!

Святослав Голубенко,
аспирант МГК

На снимках:
В госпитале (1943 г.).
Г.И.Сальников – профессор Московской консерватории.

КОНЦЕРТЫ

«ВЕСЬ ЭТОТ ДЖАЗ»

...так называлось представление солистов кабарэ-шоу Бостонского музыкального театра (США), который выступил в Рахманиновском зале Московской консерватории. Его основателем и художественным руководителем с 1976 года является Шарлотта Кауфман, профессор Новоанглийской консерватории в Бостоне, клавесинистка, музыковед, специалист в области американского музыкального театра.

Первый раздел («Корни») был посвящен традиции шоу, восходящей к середине Х1Х века — менестрельному театру и его главному представителю Стивену Фостеру. Его песня «Скачки в Кейптауне» настолько популярна в Америке, что ее часто считают народной. Также прозвучали регтаймы С.Джаплина, патриотические гимны Ч.Айвза, знакомящие с традицией популярных песен второй половины Х1Х века. Как важные явления ХХ века Ш.Кауфман представила песни Дж.Гершвина из «Порги и Бесс», У.Болкома и А.Копленда.

Во втором разделе программы исполнялись блюзы легендарного У.Хенди и Х.Арлена, инструментальные сюиты попурри — «Medley» Ф.Уоллера (1904–1943) и Д.Эллингтона. «Ритмы Бродвея» были представлены произведениями Д.Гершвина, К.Портера и Д.Эллингтона. Раздел «Стандарты джаза» показал такие направления, как суинг, Бибоп и hot jazz. Каждый номер предварялся кратким экскурсом в историю жанра.

Исполнители шоу — Мара Бонде (сопрано), Дэвид Рипли (бас-баритон, руководитель оперной студии в университете Нью-Хэмпшир), Дэн Лошен (фортепиано), Рич Эпплмэн – контрабасист, зав. Кафедрой контрабаса в музыкальном колледже Беркли в Бостоне), Бертрам Леманн (ударные).

Необычайная обаятельность, чистота интонации и выразительность фразировки характерны для молодой певицы М.Бонде. Д.Рипли продемонстрировал блестящие артистические и вокальные способности, умение передать образ каждой сцены. Оба солиста показали пластичность движений, богатую мимику и покорили наших слушателей. Сюрпризом для публики стало появление на сцене посла США господина А.Вершбоу, сыгравшего на ударных.

М.Бонде и Д.Рипли провели мастер-классы для молодых певцов Оперной студии консерватории. В мастер-классе, подготовленном проф. В.Ф.Ждановом и проф.А.А.Петуховым, выступили Н.Осадчая, Л.Макарская, А.Вершинин, Э. Фейгинова и корейский певец Че Ен Джун. Они исполнили арии и дуэты из мюзиклов Д.Гершвина, Ф.Лоу, Б.Кэмферта, Д.Макхью, Э Пресли и др (концертмейстер А.Осипян). Главное внимание американские певцы сосредоточили над созданием яркого сценического образа и особенно пластики движения. Особый интерес вызвал мастер-класс по джазовой импровизации для классического трио состава — фортепиано, контрабас и ударные. Каждый из трех солистов (Бертрам Леманн, Дэн Лошен и Рич Эпплмэн) рассказал об искусстве импровизации и студенты включились в исполнение вместе с американцами.

Руководитель театра Шарлотта Кауфман прочитала лекцию «Кабаре как зеркало жизни и общества». Она представила историческую панораму кабаре, начиная с представлений 20-х годов в Германии, Франции и затем в США. Свой рассказ Ш.Кауфман сопровождала показом слайдов и прослушиванием музыкальных фрагментов. Ей любезно ассистировала жена посла США госпожа Л. Вершбоу. Были прослушаны песни Шенберга, Сати, Берлина, Бернстайна, Сондхайма. Профессор С.Федер, автором двух монографий о Ч.Айвзе, прочитал лекция «Айвз и его Америка», в которой наряду с освещением мало известных фактов творческой биографии был представлен анализ вокальных сочинений композитора и его незаконченной «Вселенской симфонии».

Куратор программы,
профессор С.Ю.Сигида

При перепечатке ссылка обязательна

Адрес: 103871 Москва ул. Б.Никитская, 13. E-mail: rio@mosconsv.ru
Интернет: http://www.mosconsv.ru

Главный редактор проф. Т.А.Курышева
Редактор С.В.Наборщикова
Оригинал-макет: Д.О.Чехович
Верстка: 13.05.2004
Тираж 300 экз.